

Свободное время

Пьеса

Перевод Ирины Мельниковой

Итак, с этой минуты начинается (начинаем?) свободное время.

1

Женщина раскрывает на столе блокнот и начинает что-то писать.

В семейном ресторанчике из разряда сетевых есть одна девушка-официантка по фамилии Сайто, временная, конечно же, — такие в этом ресторане по будням почти ежедневно попадают в утренний график. По ее собственным словам, фамилия Сайто пишется иероглифами “запад” и “глициния”, но на значке нагрудном ведь только азбукой написано “Сайто”, поэтому обычному человеку, ну то есть просто посетителю ресторана, в общем-то, невдомек, какие там иероглифы.

По словам этой Сайто, утром в ресторане тишина, совсем пусто, только разве кто зайдет позавтракать, поэтому обыч-

но заняться нечем и мысли бродят невесть где, того и гляди замечтаешься. Все-таки на работе, в мобильный телефон не заглянешь, и вот на днях, глупо конечно, но просто глазела на облака, которые попадали в поле зрения в окнах ресторана — то ли все равно было, куда смотреть, то ли это было самое простое. Летом ведь (а сейчас, между прочим, лето) облака, как это говорят, кучевые — они кудрявые и иногда, знаете, такой формы бывают, как следы бомбовых разрывов. И рассказывать-то неловко, но это чистая правда — Сайто порой сама бывает озадачена тем, что, хоть ей уже все двадцать пять, ее все еще может захватить подобное зрелище. Да это то ладно, что плохого в том, чтобы ахать, будто ты зритель на представлении, думала она, продолжая внимательно вглядываться, ведь воодушевляет же кого-то картина фейерверка, а разве тут не то же самое? То же самое. Казалось бы, просто природное явление, не происшествие какое-нибудь, а вот затягивает — отчего это? Может, потому что необычно, а значит — все-таки происшествие? Ну, как бы то ни было, а задушиваться ей случалось. Вот однажды еще подумала (это потом уже, в другой день), что в картинах природы больше реализма, что ли, да и масштаб совсем другой — вроде бы совсем что-то мелкое, но... И тут как раз возникает ощущение, что начинается (или начинаем?) свободное время. Да-да, вот и недавно, тоже на работе было: вроде бы для ресторана дело обычное, но смутно ощущаешь, что здесь это неуместно, — так нет же, пристали! Попросту говоря, ее кадрили, и так это было неожиданно, что Сайто смутилась.

Вообще-то, если задаться вопросом, что за место этот семейный ресторанчик и бывает ли там подобное отношение к официанткам, то ответ, по-моему, будет скорее “нет”, чем “да”. Я понимаю — в несетевых заведениях, в кафе каком-нибудь, но тут... Да, конечно, если выпадет очередь работать в субботнюю смену, то именно по случаю субботы дядьки средних лет, бывает, соберутся по несколько человек, с обеда сидят за пивом и без конца окликают: “Сестренка, сестренка!” — прямо как в клубе знакомств. Но эти-то дядьки, мне кажется, в силу своего возраста не понимают тонкостей, и что семейный ресторан не такое место им невдомек, тут уж ничего не сделаешь. А на этот раз были обычные двое мужчин моего возраста или чуть постарше. Так и мелькнуло в мыслях: “Вы-то куда? Ведь знаете отлично, что у нас здесь за ресторан!”

По утрам изредка случается, что сюда забредут собутыльники, которые всю ночь просидели в близлежащих кабаках возле станции — если пили до самого утра, до пяти, то потом выбора нет, кроме как завалиться в круглосуточный семей-

ный ресторан. Вот и эти двое мужчин — уж собутыльники ли, нет ли, не скажу — были, похоже, из этого разряда посетителей, они сидели друг напротив друга за столом у окна. Есть, знаете, такие столы на четверых возле окон...

За точно таким же соседним столом на четверых сидела одна женщина, и я у нее как раз принимала заказ. Эта женщина приходит регулярно, почти каждый день в это самое время — побудет с полчаса, а потом уйдет. Думаю, она сюда заглядывает перед работой, скорей всего так... А заказывает неизменно напиток за сто шестьдесят иен — можно выбрать что угодно, но она всегда пьет только одну чашку кофе. Я думала, что раз заказ всегда один и тот же, можно и не спрашивать, и так знаю, но все же спрашиваю: “Вы уже выбрали?” — и она, конечно же, опять выбирает “любой напиток за сто шестьдесят иен”. Приняв заказ, я уже иду прочь от ее стола, он под номером семнадцать, и, когда прохожу мимо соседнего стола номер шестнадцать — как раз за ним и сидят двое мужчин, — слышу, что ко мне обращаются, мол, “Простите, на минуточку...” Сперва я решила, что они хотят сделать заказ, но посмотрела на стол — а там уже что-то стоит. Наверно, еще что-то решили добавить, подумала я и говорю: “Слушаю вас!” Так вот представьте, они действительно просто со мной заговорили! Что-то вроде: “Вас Сайто-сан зовут, верно?” — “Да,” — говорю, а они: “Какими иероглифами записывается ваша фамилия?” — ну, все в таком роде... Мол, ваш иероглиф “сай” — тот, что чаще всего используется, обычное написание имени Сайто? А то, дескать, всякие разные есть Сайто, какие только иероглифы не встречаются для этой фамилии! Ну, я им самым невозмутимым тоном отвечаю, спокойно так говорю: “Нет, мои иероглифы “запад” и “глициния”, получается Сайто”...

2

Про женщину, которая что-то записывает в тетрадь

Она пишет что-то в дневнике, и если уж речь зашла о том, что именно пишет, то извольте узнать: “Есть один человек, с которым мы вчера вместе ужинали (мы уже несколько раз встречались), и вот после того, как вчера после ужина мы распрощались и разошлись в разные стороны, я посмотрела, когда последняя электричка, и оказалось, что на самом-то деле времени до отправления почти не осталось. Конечно, я перепугалась, ну и заспешила так, что даже бегом припусти-

ла — когда еще такое было! Как раз прибежала — и предпоследняя электричка только-только отошла. Вот хорошо-то, думаю, чудом на последнюю успела! Послала ему сообщение по мобильному и решила, что, пока есть время, посижу на скамейке. Взглянула, свободно ли там, и надо же, оказалось, нет свободного места! На скамье человек разлегся, пьяный, наверно. Это же с первого взгляда видно — пьяный дядька улегся на бок и занял всю скамью. Куцая вечерняя газетенка на животе вместо одеяла — не то чтобы он хотел согреть ею живот, а просто случайно так заснул, но ботинки снял почему-то. Уж все ли с ним в порядке, подумалось мне, но будить его особого желания не было. Вот такой пустячный случай, а больше вроде бы ничего примечательного”. Писавшая дневник женщина, быть может, намеревалась все это рассказать своему мужчине, такое вполне вероятно.

Версия, которая несколько отличается от изложенного выше

Да, это я пишу, это мой дневник. Есть один человек, с которым мы вчера снова встретились и вместе поужинали. Ну и после ужина, когда уже расстались, на станции со мной случилось одно маленькое происшествие, то есть для меня это было происшествие. Под происшествием я подразумеваю неожиданную встречу, и вот уже прошла ночь, сейчас утро, и я пишу здесь, сегодня, об этом происшествии. Это все, ну, то есть про это про все, я собираюсь ему рассказать — и вот пишу. “После того как мы уже расстались, я посмотрела, когда последняя электричка, и оказалось, что на самом-то деле времени до отправления почти не осталось. Конечно, я перепугалась, ну и заспешила так, что даже бегом припустила — когда еще такое было! Запыхалась вся и как раз прибежала — а предпоследняя электричка только-только отошла. Вот хорошо-то, думаю, чудом на последнюю успела! Ну и решила, что посижу пока на скамейке, подожду. Взглянула, свободно ли там, и надо же — оказалось, нет свободного места! Это же с первого взгляда видно — пьяный дядька. Этот дядька улегся на бок и занял всю скамью, а куцая вечерняя газетенка прикрывает ему живот вместо одеяла. Да, такой вот дядечка, ну мужчина этот. И очень он на моего покойного деда похож, который с отцовской стороны, давно уже он умер, я в начальной школе еще училась, в младших классах, во втором, что ли, или в третьем... А он тогда умер. И вот так на него этот дядька похож, что мне правда на минуту даже

показалось: дед! Вот такой пустячный случай, а больше вроде бы ничего примечательного”. Ей, наверное, хотелось все это рассказать своему мужчине, то есть хочется и сейчас, и вместо того чтобы рассказывать, она вот таким вот образом излагает, и получается замена разговору.

(Женщина уходит. У нее на работе — там, где каждый день она должна выполнять свои трудовые обязанности, — рабочий день начинается в восемь часов сорок минут. Поэтому ей приходится вставать на эти вот двадцать минут раньше, чем другим, у кого обычная работа, с девяти до пяти. Вот так-то, и вставать ей всегда очень тяжело. Хотя, конечно, рабочий день нормированный и кончается ровно на столько же минут раньше. Но все же на душе бывает очень муторно, особенно в начале дня, в таком примерно роде: “Вот, уже на работу надо идти, уже время из дому выходить...” Как проснешься, так эти мысли, изо дня в день, изо дня в день, но все-таки втайне и гордишься собой чуть-чуть — встаю же, иду... Вроде бы, скажете, это само собой разумеется, но ведь оттого, что работа ровно на столько же раньше кончается, особо не становится легче по сравнению с другими людьми, не имеющими нужды по утрам в такую рань подниматься, никакого вам “плюс уравновешивает минус”. Каждый день идти на службу... Вот и стала перед рабочим днем заходить по мере возможности в семейный ресторан — рядом со станцией есть один. Словно ежедневное задание — зайти в этот ресторанчик. Каждый раз постараться быть на станции на полчаса раньше положенного, чтобы устроить себе хотя бы тридцать минут свободного времени, это с недавних пор так повелось. Но иногда никак не выходит подняться утром на полчаса раньше, и со станции приходится напрямиком идти на работу — в такие дни я ужасно собой недовольна.)

Женщина. После того как мы распрощались и каждый пошел к себе домой, я посмотрела, когда последняя электричка, и оказалось, что на самом-то деле времени до отправления почти нет. Конечно, я перепугалась, ну и заспешила так, что даже бегом припустила — когда еще такое было! Как раз прибежала — и предпоследняя электричка только-только отошла. Вот хорошо-то, думаю, чудом на последнюю успела! Ну и решила, что посижу пока на скамейке, подожду. Взглянула, свободно ли там, и надо же — оказалось, нет свободного места! На скамье человек разлегся, пьяный, наверно. Это же с первого взгляда видно, что дядечка пьяный — улегся на бок и занял всю скамью. И очень он на моего покойного деда похож, который с отцовской стороны, давно уже дед

умер, я в начальной школе еще училась, в младших классах, во втором, что ли, или в третьем... А он тогда умер. И вот так на него этот дядька похож, что мне правда на минуту даже показалось: дед!

Мужчина. Да-да. Вчера ты мне послала сообщение: “Едва успела, но все в порядке”.

Женщина. Это я, когда осталась одна, сама не знаю почему, разнервничалась, разволновалась и захотела с тобой поделиться, вот и послала. Поэтому. А рассказать про мои воспоминания, ну, про то, что мне тогда вчера вспомнилось — можно сейчас? Мы можем еще немного об этом поговорить? Я уверена, что именно тогда первый раз в жизни услышала выражение “в тяжелом состоянии”, и так ярко запомнилось... У меня много ярких воспоминаний, но я тогда, может быть, кое-что неверно толковала, ребенок же... Например, я тогдашняя само это вот “в тяжелом состоянии”, смысл этого выражения, тогда понимала так, словно оно значит “умер” — хорошо это помню. Так и осталось: мать говорит по телефону, и я слышу, она таким тоном говорит, словно то ли она, то ли ее собеседник, рассчитывают, что ребенок вот именно все поймет. Это вот что? Чтобы помягче выразиться, японская вежливость? Или деликатность чувств? Помню, я об этом размышляла, хоть и была ребенком. Ведь действительно, если сразу так и сказать по телефону, что дедушка умер, то это уж будет чересчур напрямик, и потому, наверное, не говорится без экивоков: дед умер — и все тут. Очень отчетливо помню, как я что-то подобное тогда думала. Еще телефон тогда был такой черный, пальцем надо было в дырочку — и поворачивать... Да, мать всякие эти правила знала, она-то, похоже, понимала, что раз говорится “в тяжелом состоянии” — значит, умер, она-то догадывалась. Я помню хорошо, как размышляла: а есть еще какие-нибудь взрослые правила, которых я пока еще не знаю? Да, помню...

3

Официантка. Выбрали что-нибудь?

Женщина. Да-да, прошу вас, кофе, пожалуйста. Не обязательно, чтобы можно было пить сколько угодно, достаточно просто чашки кофе.

Официантка. У нас есть услуга “Любой напиток за сто шестьдесят иен” — подойдет?

Женщина. Кажется, раньше у вас можно было по ходу дела, если вдруг захочется, поменять это на услугу “Напитки без ограничений”, и тогда пить сколько угодно, верно?

Официантка. Да, такое возможно и сейчас, все как обычно.

Женщина. Как-то раз, помню, делала так...

Официантка. Да-да, конечно. Вам кофе подать горячий?

Женщина. Да, пожалуй...

[62]

ИЛ 2/2012

4

Все, что изложено ниже, — ничем не обоснованные предположения официантки Сайто, но ей кажется, что, может быть, эта женщина думает сейчас про свои тридцать минут в ресторане как-то так: “Вот бы это время сегодня продлить и еще так вот посидеть...” — то есть ей хочется как-нибудь разок попробовать растянуть полчаса до часа, а то и до полутора часов, насладиться в полной мере, а уж потом только пойти на работу. Осуществить это у нее пока решимости не хватает, но она подумывает о том, чтобы предпринять что-то такое в будущем. Например, что, если даже в тот день, когда проспит, она все же проведет полчаса в своем ресторане, как заведено, и лишь после этого пойдет на работу? Она не раз думала о том, что надо непременно сохранять свои жизненные приоритеты...

Она сейчас как раз представляет себе легкую панику коллег по работе, когда она не придет вовремя. Они, вероятно, будут как-нибудь так переговариваться:

— Никто не знает, какой у Кога номер мобильного?

— А что? Что-то случилось?

— Координатор группы, за которую Кога ответственная, как там его фамилия, он тоже говорит, что от нее не было никаких сообщений. Что же произошло?

— Не может такого быть, чтобы на двадцать минут уже опаздывала — и никаких вестей!

Они так вот это обсуждают — и тут, как ни в чем не бывало, входит Кога.

— Да так... Проспала нынче. Ну уйду сегодня попозже. Двадцать минут прошло уже? Неужели? Вот пришла сегодня с опозданием. Но по правде говоря, проспала-то я не на двадцать минут, а гораздо больше, и порядочно времени сумела так сэкономить. Пусть это и покажется вам бахвальством... Мне ведь на электричке ехать на работу в среднем пятьдесят минут, и я обычно стараюсь приехать на станцию к восьми, ну чуть раньше, поэтому будильник ставлю на шесть. Ну встану, значит, потом час уходит у меня на сборы, чтобы в семь выйти из дома. Выхожу как раз к электричке, которая отправляется в семь часов одиннадцать минут, тогда и получа-

ется быть на станции к восьми. А потом, знаете, у станции есть семейный ресторан — иду туда. Я себе положила за ежедневное правило: с полчаса надо там провести, потому что это мое драгоценное свободное время. Ну а сегодня, хоть и надо было встать в шесть, я встала на час позже, в семь — казалось бы, и опоздать должна была на час? Но я собралась быстрее обычного и села на электричку в семь тридцать одну, таким образом сэкономив время, я свела часовое опоздание к двадцати минутам. Самой подумалось — вот это постаралась! Ну а после, все равно как при смене часовых поясов, просто время передвинулось, я на станцию приехала в восемь двадцать и полчаса, до настоящего момента, сидела в ресторане, потому и пришла только теперь.

Когда она все это проговорит, сослуживцы так и остолбенеют. Правда, если подумать, ее желание хоть разочек это осуществить, если бы она этому желанию последовала, было бы весьма рискованным, было бы так сказать шагом к собственной гибели — не в буквальном, конечно, смысле, но... Да, она понимает... И все-таки здорово было бы хоть разочек такое проделать — по мне так очень славно было бы попробовать...

Последнее — мысли официантки Сайто, ведь она все это нафантазировала, по своему обыкновению.

Женщина. (Такого уж переполоха на самом деле, думаю, не случится. Даже если и опоздаю, вполне возможно, никто не заметит, что я не пришла. Ну, положим, они не то что не заметят, а просто все, смутно понимая, что меня нет на месте, как бы не станут придавать этому значения, уверенные, что кто-то же, наверное, в курсе и знает причину...)

Женщина. Проспала сегодня, вот и пришла позже — минут на двадцать, наверное, да? Ну, пришла сегодня с опозданием, только ведь если я вдруг не приду на работу или вовсе на нее не стану ходить, в делах-то особого ущерба не будет. Может, вам мои слова покажутся странными, но есть же взаимное доверие в коллективе, ну чтоб подменили, если что... Оно есть, и я, хоть не уверена, можно ли об этом говорить, в душе считаю, что позволительно нам всем не напрягаться сейчас до такой степени, чтобы и время соблюдать до минутки, и на работу с опозданием уж не прийти... Те люди, которым можно обойтись без этого, для которых это не обязательно, про которых думают, тебе не к спеху, — их на самом деле полно, и разве все не считают, говоря по правде, что довольно-таки многие могут абсолютно спокойно стараться лишь в той мере, в какой это необходимо. Думаю, что я, условно, принадлежу к числу таких работников. Ну вот при-

киньте — это, конечно, не доказательство, но для примера: сейчас ведь срочных звонков никаких нет?

Сослуживец. Нет, вообще-то, нету...

Женщина. Вот!

Сослуживец. А разве вчера не просили сделать копию?

Женщина. Верно, но, по-моему, вчера в самом конце дня я ее сделала и оставила на столе...

Сослуживец. Появились поправки, бумага пришла в десять вечера.

Женщина. Понятно.

Сослуживец. Можно попросить вас еще раз сделать копию?

Женщина. Это ведь не особенно срочно, верно?

Сослуживец. Вообще, да...

Женщина. В последнее время копировальный аппарат работал без поломок.

Сослуживец. Без поломок.

Женщина. Помню, раньше-то часто аппарат ломался, я не раз звонила в службу поддержки, чтобы прислали мастера.

Сослуживец. Да, в те времена работы было много...

Женщина. Да...

Женщина. (На работе у меня, пожалуй, и сейчас на столе бумажки — не помню, чтобы выкидывала в корзину бумажные салфетки, которыми оборачивала ноготь и почти полчаса прочищала от пыли щели на клавиатуре. Скомканные салфетки могли так и остаться на столе, может быть, остались...)

5

Мысли женщины, которая что-то пишет в блокноте (ее внутренний мир?)

То, что называется “писать”, само действие — это вопрос, что писать, это поиск, о чем писать, а бывает, просто поиск...

Определенно помню, что бывала там, хотя теперь припоминается немного: августовский полдень у моря, и я иду по такой бетонированной прогулочной дорожке, ее к лету подготавливали, как сейчас делают... Пытаюсь вспомнить пейзаж, плывущий от жары. Солнце светит в спину, и тень ложится на бетон прямо передо мной, по ходу движения, но тень пока не такая уж длинная, скорее кажется, что она падает прямо под ноги — иду и смотрю на свое теневое отражение. Может, еще и оттого, что голова не покрыта, сознание как-то мутится, и собственная тень начинает казаться совершенно

черной. Вглядываюсь и думаю: какая тень густая, чересчур густая, а в гуще этой черноты как будто что-то зеленое подмешали — так тогда показалось...

А теперь у меня есть один человек, с которым мы вчера встретились и вместе ужинали, и вот наутро я записываю, чтобы не забылось и чтобы ему рассказать то, что сейчас здесь излагаю.

С перил вдоль набережной, где прогулочная аллея, некоторые люди опускали в море удочки и ловили рыбу. Но днем, в жару, под раскаленным небом и во время прилива, рыба прячется на глубине, поэтому, я думаю, хорошего улова вряд ли стоило ждать...

И вот я иду по бетонной прогулочной дорожке, подготовленной к лету, как сейчас делают, — августовский полдень у моря, я родилась здесь, недалеко. Мой родной дом относится к избирательному округу, где довольно-таки сильны позиции Либерально-демократической партии, и я раздумываю о том, что как-то слышала от отца: будто бы они подкидывают регионам средства, организуя всякие ремонтные работы, вроде устройства этой прогулочной дорожки. Солнце светит в спину, и тень ложится на бетон прямо передо мной, по ходу движения, но тень пока не такая уж длинная, скорее кажется, что она падает прямо под ноги — иду и смотрю на свое теневое отражение. Может, еще и оттого, что голова не покрыта, сознание как-то мутится, и собственная тень начинает казаться совершенно черной. Вглядываюсь и думаю: какая тень густая... Чернота этой чересчур густой тени пробудила воспоминания о чем-то таком же черном, как тень, я почувствовала себя немного странно, ну то есть я поняла только — что-то не то...

С перил вдоль набережной, где прогулочная дорожка, некоторые люди опускали в море удочки и ловили рыбу. Но днем, в жару, под раскаленным небом и во время прилива рыба прячется на глубине, поэтому, я думаю, хорошего улова вряд ли стоило ждать. И все же люди рыбачат, даже зная, что не ловится — почему? Я спрашивала или это, кажется, отец спрашивал у дедушки... И ответ деда был такой: дома-то делать нечего...

Мужчина. Никакая не дорожка, а просто бетонная дамба, отделяющая шоссе от моря — это там, что ли? Там еще такие, как это... Ну чтобы волны гасить такие штуки, как у ниндзя...

Женщина. Тетраподы?

Мужчина. Вот! Тетраподы. Как в песне: “Взобрались на тетраподы...”

...Что-то такое он сказал. Сначала несколько дней писала дневник как следует, слово за словом, а потом вдруг заметила, что ведь не для того дневники пишутся, чтобы по этим заметкам восстанавливать что-то в памяти, читать слова и фразы — и вспоминать. Записываешь слова в тетрадь, осознавая само это действие как опору для памяти, но если это всего лишь поддержка, то не обязательно же словами... Поэтому с некоторых пор мой дневник не такой, который пишется словами, он вот такой, как сейчас.

6

Двое мужчин, Адзума и Судзуки, сидят за соседним столом, поблизости от женщины, записывающей что-то в блокнот

Эти люди наблюдают за окружающими, а сейчас вот — за женщиной. Мол, как раз сейчас у нее отец лежит в больнице. Чем болен? Ну, пускай будет рак. Он только что перенес операцию, и в его состоянии надо еще некоторое время побыть на больничной койке. Поэтому женщина иногда ходит в больницу навестить отца, после работы или по выходным. Во всяком случае, один из дней — субботу или воскресенье — непременно проводит там. Так видится им теперешняя ситуация этой женщины, но, конечно же, все их рассуждения целиком построены на воображении.

Наш ресторан из тех, что располагаются на втором этаже, а под этим вторым этажом — автостоянка с довольно-таки высоким сводом, на нем и стоит ресторан. В данном случае Судзуки и Адзума сидели за одним из столов на четверых, которые в таких помещениях расставлены вдоль окон. Они сидели напротив и наискосок друг от друга, причем один мог через оконное стекло видеть проезжую часть или даже заглянуть вниз, на тротуар под окном, а другой, сидевший напротив, был ближе к проходу, который упирался в туалет. Рядом с мужчиной, который сидел у прохода на пути в туалетную комнату, впритык стоял такой же точно стол, а рядом еще и еще. На этот раз за соседним столом и в непосредственной близости сидела та самая женщина.

Судзуки. Мы обычно наблюдаем — нет, не то чтобы пейзажи какие-то, а просто смотрим, мало ли, вдруг примечательный тип попадется... Двое мужчин ведь обычно не ведут между собой оживленные беседы... Прямо под окном на

тротуаре — автобусная остановка, и среди других ожидающих — одна девчонка, она стоит и курит, прислонившись к ограждению. Я с недавних пор курить бросил, вот и мелькнуло в мыслях: эх, хорошо ей! У нее прическа в стиле “афро”, но не такая, как, знаете, бывает — пухлая настолько, что голова становится в два-три раза больше, а тут нет — аккуратная, с чувством меры. Я в последнее время стал подумывать насчет “афро”, и вот у этой девчонки внизу, как мне показалось, прическа была что надо, шла ей. Думаю, что девчонка привлекла мое внимание еще и поэтому. Ведь “афро” же, ну чтоб решиться и попробовать, — это риск, по-моему, и немалый, очень высокий надо взять барьер... Хотелось бы мне узнать, насколько в действительности те люди, которые делают “афро”, себя переламывают, как они на это решаются. И еще в связи с этим мне в последнее время приходило в голову, ну просто как одно из предположений: ведь на самом-то деле с прической “афро” барьер не в том, что пойдет она тебе, не пойдет... Меня все больше берет сомнение — а может, это как раз не препятствие. На удивление, кто бы ни попробовал “афро”, все становятся сторонниками этого стиля, некоторые даже считают, что он по-настоящему универсальный, всем подходит — такое мнение и Адзума поддерживает. А вот насколько “афро” вызывает сочувствие у окружающих? Хочется разок проверить это на деле.

Адзума. Я в душе поддерживаю теорию, что стиль “афро” довольно-таки универсальный и подходит всем. Иначе говоря, если припомню сейчас тех, кого в этой жизни повстречал, ни один человек не попался с прической “афро”, про которого бы подумалось: “Нет, не идет, ему это не к лицу”. Поразительно, что я только сейчас обратил внимание на этот исключительный факт. Есть ведь еще одна теория — что не найдется негодяя, у которого была бы прическа “афро”. Пожалуй, я теперь склонен думать, что можно поддержать и это мнение. Нет, правда, тебе приходилось встречать плохого человека с прической “афро”? Да ведь и в газетах, в разделе криминальной хроники, ни разу, по-моему, не бывало фотографий подозреваемого с “афро”, причем чем пышней прическа, тем меньше такая вероятность.

Судзуки. Ну нет, мне кажется, было...

Адзума. А да, то есть теперь всплыло в памяти — ну, это шок, я потрясен...

Судзуки. Точно, у того типа, кажется, была прическа “афро”, вроде бы так... Вот уж действительно шок!

Однако, по правде говоря, у Судзуки в этот момент (есть у меня такая особенность — несколько ночей не выспался, и в

первую очередь желудок сбивается с привычной колеи) как раз в животе закрутило так, что было уже невтерпеж, мыслими он был далеко от разговора.

Судзуки. Ты, это, извини... Я немного не по теме, ничего?
Адзума. Ничего.

Судзуки. Не то что не по теме, а... В туалет выйду, ладно?

С этими словами Судзуки прямо ринулся к туалету — быстрыми такими мелкими шажками, стараясь не растрясти свой зад.

В этот раз за одним из столов на четверых, которые здесь расставлены вдоль окон, сидели двое, Судзуки и Адзума, напротив и наискосок друг от друга, причем один мог через оконное стекло видеть проезжую часть или даже заглянуть вниз, на тротуар под окном, а другой, сидевший напротив, был ближе к проходу, который вел к туалету. Рядом с мужчиной, который сидел у прохода на пути в туалетную комнату, впритык стоял такой же точно стол, а рядом еще и еще. На этот раз за ближайшим соседним столом сидела одна женщина. По дороге в туалетную комнату Судзуки мельком взглянул на соседку — он еще когда за столом сидел, обратил внимание, что она что-то записывает в блокнот, а теперь разглядел написанное. Оказалось, что там были не буквы, а то ли каракули, то ли рисунки — она просто чертила на листке что попало. Естественно, это показалось Судзуки подозрительным, оттого он и стал строить всякие догадки — так уж водится, ничего не поделаешь.

7

И вот моя жизнь... Да, наверняка, это и есть моя жизнь... Вот это вот — моя жизнь... Родилась затем, чтобы кто-то уравнивал время моей жизни... Так вот что значит родиться на свет... Ну то есть не “вот что значит” — еще надо поразмышлять... Довольно-таки распространенное мнение, что есть какая-то настоящая причина, по которой человек живет, точнее, послан в жизнь. Думала я о всяком таком, но, если бы высказала свое мнение ему, он бы наверняка возразил: “Нет, это не так”, — ведь человек он, по-моему, хороший, добрый человек...

Я всегда полчаса провожу вот так, и обычно при этом думаю, что хорошо было бы нынче растянуть немного это время. И что было бы, если обычный человек, ну вот как я, взял

да и сделал это? Вот именно, чтобы каким-то чудом мысли эти не отбросить, а так и поступить? И если один раз так поступить, пусть бы даже и мне, то хоть и кажется, что вообразить такое — пустые мечтания, совершенно вздорные, но ведь эти мечтания, может быть, на удивление легко осуществить, кто знает... По правде говоря, такое есть чувство, что это легко сойдет с рук, гораздо легче, чем кажется...

Женщина уходит. На сцене остается одна лишь официантка Сайто. Так продолжается некоторое время. Затем женщина возвращается.

8

Официантка. Выбрали что-нибудь?

Женщина. Да-да, прошу вас, кофе, пожалуйста. Не обязательно, чтобы можно было пить сколько угодно, достаточно просто чашки кофе.

Официантка. У нас есть услуга “Любой напиток за сто шестьдесят иен” — подойдет?

Женщина. Кажется, раньше у вас можно было по ходу дела, если вдруг захочется, поменять это на услугу “Напитки без ограничений” и тогда пить сколько угодно, верно?

Официантка. Да, такое возможно и сейчас, все как обычно.

Женщина. Как-то раз, помню, делала так...

Официантка. Да-да, конечно. Вам кофе подать горячий?

Женщина. Да, пожалуй...

Официантка. (Все эти полчаса она пребывает в настроении “сегодня попробовать посидеть вот так еще немного”, так и пусть бы сидела хоть час, хоть полтора, пока не насладится вдоволь, наверняка ничего страшного не случится. Придет к себе на службу и скажет: “Я сегодня опоздала, потому что решила подольше посидеть в сетевом ресторанчике — знаете, возле станции, — я всегда там сижу полчаса, это у меня как ежедневное задание, ведь это же мое драгоценное свободное время. Сегодня решила чуть-чуть растянуть его, вот ровно на столько и опоздала”. А ей на это ответят: “Ну это еще ничего, это можно. То есть, по правде говоря, лучше бы это осталось между нами, но личное время действительно драгоценно, и сегодня очень даже хорошо вы поступили. Пожалуй, было бы ошибкой считать, что полчаса для себя — это достаточно”. Очень даже вероятно, что ее с легкостью простят.)

Женщина. Вот-вот!

Официантка. (Такие вещи действительно легко сходят с рук, но как только она это поймет, все тут же и закончится, будет ровно наоборот — такое у меня ощущение.)

Женщина. Вот-вот!

[70]

ИЛ 2/2012

9

О женщине

На самом деле, она хотела бы по возможности не тратить в этой семейной забегаловке, или в каком-то еще ресторане, то время, которое она проводит, что-то записывая, — будь то дневник или просто каракули. Было у нее такое стремление, но, когда попробовала его осуществить — всего-то несколько дней, — стало понятно, что дома, в своей комнате, свободное время превращается просто в ленивое и пустое времяпровождение. Она решила, что тогда уж пусть лучше кафе или ресторан, и раз на то пошло, заведение должно быть первосортное. А что называют первосортным заведением? Кофе там должен быть вкусный — сварят его тебе, и ты сидишь спокойно в приятной атмосфере. Первосортными называют не такие заведения, как это, “семейное”. Но сколько бы она ни говорила себе, что нужно поискать другое место, чтобы был не “семейный ресторан”, а что-то приличное, на деле это ведь непросто. Ей же надо, чтобы там было открыто рано утром, и это ограничивает выбор, остаются только круглосуточные семейные рестораны, или сети “Старбакс” и “Дотур” — такова уж реальность в Японии. В результате приходится идти на компромисс, и для нее удобнее всего этот семейный ресторан, вот она и является туда каждый день — так, во всяком случае, это выглядит со стороны. Если вы спросите, для кого именно это так выглядит, то ответ будет — для официантки, для той, временной, по имени Сайто, у которой на груди табличка с именем, и оно написано азбукой, а не иероглифами, так что сразу можно прочитать. Она почти каждый день попадает в утреннюю смену, потому у нее и сложилось такое мнение.

Сайто иногда думает: “Хотя я сама подрабатываю в семейном ресторане, но все-таки место это какое-то... не сразу объяснишь, но есть тут свои тонкости... Если же говорить о том, какие это тонкости, то, конечно, это отношение персонала — или отношение к персоналу? Все здесь делается строго по инструкции, как предписано. Само по себе то, что все заранее расписано, может и хорошо, конечно же, там нет ничего плохого, и не это раздражает. Просто думаешь иногда, а как

клиентам воспринимать все эти готовые фразы: ‘Разрешите повторить ваш заказ’ или: ‘Одна порция того, одна порция сегодня...’? Пока-то ты все это произнесешь... Особенно если заказ большой, и клиент вынужден слушать долго-долго — как вот ему вести себя, пока это все говорится? Есть тут свои тонкости! Непонятно, как реагировать, и некоторые начинают гримасничать, а иногда глянешь — улыбаются во весь рот”.

10

Сайто идет принимать заказ.

Далее идет **воображаемый обмен репликами, все это нафантазировали Судзуки и Адзума.**

Официантка (в их воображении). Выбрали что-нибудь?

Женщина (в их воображении). Да-да, прошу вас, кофе, пожалуйста. Не обязательно, чтобы можно было пить сколько угодно, достаточно просто чашки кофе.

Официантка (в их воображении). Горячий подать?

Женщина (в их воображении). Да, мне только одну чашечку, можно дешевый, за сто шестьдесят иен?

Официантка (в их воображении). Кофе по-американски?

Женщина (в их воображении). В семейном ресторане да еще по-американски — это какой же крепости будет кофе? Что называется, “как моча” — часто ведь такое сравнение используют, верно?

Официантка (в их воображении). Вы хотите сказать, что в процентном выражении моча жидкая? А вы ее что же — пили?

Женщина (в их воображении). Да как вам сказать, наоборот, хочется спросить — а разве есть места, где мочу подают?

Официантка (в их воображении). А вообще и моча, наверное, если попробовать на вкус, бывает и густая, и жидкая.

Женщина (в их воображении). Это уж точно.

Официантка (в их воображении). Если взять для сравнения достаточно густую мочу, так это крепкий кофе получается...

Женщина (в их воображении). Ладно, давайте по-американски. Да, кстати, не знаю, удобно ли спрашивать, но вы ведь, кажется, часто попадаете в смену в это время, раза три в неделю вас вижу...

Официантка (в их воображении). Я-то? Да, верно.

Женщина (в их воображении). Вообще то, что вы с посетителями не можете, ну, так... запросто, что ли... — это, я считаю, хорошо. Это у семейных ресторанов такая политика.

Официантка (*в их воображении*). Да, я думаю, принципы заведения — это важно, хорошо, что встречаются посетители, которые это понимают, мол, все ясно, такая политика!

Женщина (*в их воображении*). Ну конечно, конечно.

Официантка (*в их воображении*). А если посетители не понимают, бывают и такие, то даже пристают, кадрят, как это говорится. Но ведь надо же знать такие тонкости, что в семейном ресторане это совершенно неуместно.

Женщина (*в их воображении*). Конечно, конечно.

Официантка (*в их воображении*). Вообще-то, если задать вопросом, что это за ресторан и бывает ли там подобное отношение к официанткам, то ответ, по-моему, будет скорее “нет”, чем “да”.

Женщина (*в их воображении*). Верно, верно.

Официантка (*в их воображении*). Видите, рядом с вами сидят двое мужчин?

Женщина (*в их воображении*). Верно, верно.

Официантка (*в их воображении*). Недавно окликнули меня, мол, извините и все такое... Я решила сначала, что заказ, но глянула на стол — там уже все стоит. Ну, думаю, добавить хотят. “Слушаю вас”, — говорю.

Женщина (*в их воображении*). Конечно, конечно.

Официантка (*в их воображении*). А оказалось, что они просто решили заговорить. Спросили: “Вас Сайто-сан зовут?” — а потом: “Какими иероглифами записывается ваша фамилия?” — ну, все в таком роде... Мол, ваш иероглиф “сай” — тот, что чаще всего используется, обычное написание фамилии Сайто? А то, дескать, всякие разные есть Сайто, какие только иероглифы не встречаются для этой фамилии! Есть и очень трудные иероглифы, которые так сразу и не напишешь — верно? Всякие есть “Сайто”, есть и знаменитости с такой фамилией, так вот, среди всего этого многоцветия иероглифов для фамилии Сайто — ваши иероглифы какие? А потом еще говорят: “Вообще, может, нехорошо спрашивать про иероглифы имени — может, нельзя? Иероглифы ведь дело конфиденциальное, такую информацию не разглашают, верно?”...Ну и все в таком роде.

Женщина (*в их воображении*). Верно, верно.

Официантка (*в их воображении*). Ведь прежде чем рассуждать про конфиденциальность и неразглашение личной информации, надо думать, уместно ли все это вообще в семейном ресторане, подходящая ли тут обстановка — разве не так, если по-настоящему?

Женщина (*в их воображении*). Конечно, конечно.

Официантка (в их воображении). Ну вот я им и сказала, что семейный ресторан сокращенно “Фами-рэс”, и “Фами-” — это от слова “фамилия”.

Женщина (в их воображении). Конечно, конечно, и надо было сказать, что “ре-с” — это от репы. (Почему? Потому что “рэмон” по-японски. Поскольку все равно абсурд — заменим на репу.)

Официантка (в их воображении). Верно, верно.

11

Адзума. Как ни посмотришь на эту Сайто, вечно она с каким-то отсутствующим видом стоит в проходе, уставившись в окно.

Судзуки. Я думаю, ей бы тоже пошла прическа “афро”, хотя кто знает...

Судзуки. Смотри-ка, я прежде думал, что та девчонка с “афро” ждет автобуса, но автобусов уж сколько прошло — а она все стоит...

Адзума. В прошлом году на Рождество...

Судзуки. Ага...

Адзума. Вообще-то, может, и не в прошлом году, но накануне Рождества, зашел я в сетевой ресторанчик, не в этот, в другой...

Судзуки. Один?

Адзума. Во всяком случае не с девушкой.

Судзуки. Ну так один?

Адзума. Да, но это было днем.

Судзуки. Не вечером?

Адзума. Было время ланча, и официантки — а в это время одни тетки работают, днем-то — все были в колпаках Санта-Клауса, нарядили их. Как будто издевательство, ужасно жалкий был у них вид. Один только директор тамошнего филиала сиял, мол, нынче Рождество, и потому у нас тоже должно быть весело. У кассы на выходе стоял этот дядька с табличкой на груди, и я успел заметить надпись “Директор филиала”, так вот, у него на голове были прицеплены оленьи рога.

Судзуки. Смотри-ка, девчонка-то эта, с “афро”, — я думал, она ждет автобуса, но автобусов уж сколько прошло, а она все стоит...

Адзума. Ну да, а этой Сайто, пожалуй, пошла бы не прическа “афро”, а колпак Санта-Клауса, хотя колпак сейчас не по сезону...

Судзуки. А ты посмотри, какая она худющая, эта девчонка! Как будто мяса вовсе нет, одна кожа на кости натянута,

точно? От “афро” голова выглядит огромной, а тело тщедушным. То ли голова только кажется большой, то ли правда большая... Раздутая такая...

Вообще-то про человека, с которым мы в последнее время часто вместе ужинаем, про мужчину — это неправда. А вот про деда с отцовской стороны, который умер... Он давно уже умер, я еще в начальной школе была, во втором или в третьем классе. Он не болел, и в больнице не лежал, а внезапно умер, в огороде у себя. Дед для собственного удовольствия развел маленький огородик и выращивал там помидоры всякие, перчики зеленые — ну и вот когда он возился в этом своем огороде, летом, в самое пекло, траву какую-то выдергивал, его хватил удар, и он прямо там умер. Про то, что он умер, я услышала от родителей и, вспоминая о том, что услышала, создала в своем воображении зримую картину этого события — дети ведь все по-своему воспринимают... Позже я ужасно удивилась, когда посмотрела фильм “Крестный отец” — видео смотрела, все три серии, я совсем взрослая уже была. До того я ни одной серии не видела, а на Новый год взяла в видеопрокате все три кассеты и посмотрела, естественно, по порядку, начиная с первой. По правде говоря, в конце первой серии крестный отец, главный герой, умирает (нехорошо, конечно, рассказывать сюжет тем, кто еще не видел фильма, извините меня, пожалуйста). И в этой сцене, где он умирает, такое есть чувство покоя — словно все залито теплым солнечным светом, а место вроде бы на сад похоже, он со своим маленьким внуком ухаживает за растениями, и тут вдруг с ним что-то случается, инсульт, наверное, и он падает и тут же умирает. Когда я это увидела, то страшно удивилась, потому что, помню, подумала, что это совершенно та же картина, которую я себе рисовала в детстве, услышав от родителей про деда.

Я так ему и сказала, а он: “Да, верно, ‘Крестный отец’ — это знаменитый старый фильм. Я название слышал, но фильм не смотрел, только мелодию знаю — шлягер. Но я-то эту мелодию знаю почему (прямо в голове сейчас зазвучала! Пара-рара-рара-рара-рара-рара...) — вместо сигнала на мотоцикле она у меня, как поеду, так заиграет, вот в этом варианте ее и знаю. Я ведь вообще-то родом из Тибы”. Тут я говорю: “Ах да, верно. Но тот дядька, мужчина тот, очень был похож на моего покойного деда с отцовской стороны, я правда на мгновение подумала — дед!”

Вот такие приблизительно у нас с ним разговоры, ну, может, до таких еще не дошло, но... Хотя мужчине, с которым мы разговариваем, может быть, и побоюсь о таком... Нет, "побоюсь" — это, конечно, слишком, и раз уж про бабушку рассказала, то, скорей всего — да не скорей всего, а наверняка, — зайдет разговор и про отца, наверно, и об отце начну рассказывать. "Ты знаешь про то, отчего я недавно приняла спящего человека за своего деда, отчего со мной такое случилось, мне самой очень даже понятно. Это потому, что мой отец, если говорить о его теперешнем состоянии, он..." — ну и так далее, все как есть. Да только на самом-то деле мне кажется, что мы еще не продвинулись в наших отношениях настолько, чтобы говорить о таком, ведь это же значит использовать его... По сути дела, если бы все так и было, то да, использовала бы... Но ведь он же наверняка очень добрый и хороший человек, поэтому нормально отнесется: "Вот оно что... Вот, значит, как... Да, вот оно как... В таких случаях не знаешь, что и сказать, но это ужасно... Нет, ужасно — это не то... Пусть бы твоему отцу поскорее стало лучше, как можно скорее..." — вот так он скажет в моем представлении. Так вот он заботливо отнесется, и я тоже на это скажу: "Спасибо, что так заботливо отнесся... Извини, что вынудила..." И вот так, я думаю, постепенно, само собой выйдет, что мы станем друг другу ближе и в результате продвинемся в отношениях. Правда, если уж судьба, отношения сами собой продвигаются (хмм-да?)... Но если говорить про судьбу...

13

(Сегодня утром, когда я пришла, за соседним столом уже сидели эти двое, они раньше меня пришли, они уже там были. Чего же я села рядом со столом, где уже были эти двое? Я и сама тогда все говорила себе — что это я, почему? Я и сама не понимала. Но не так уж это непонятно, причина есть, ведь я же села как бы на свое место, где всегда сижу, я как бы это место сама за собой закрепила, вот потому и села туда. Обычно ведь я избегаю садиться там, где по-соседству уже кто-то сидит, а в этот раз поступила иначе и жалею. Жалею даже вот сейчас, но ведь уже села, не вставать же, потому и осталась сидеть на этом месте. Что ж, наверняка, дала им пищу для разговоров: "Смотри-ка, она что-то пишет, и даже не то, что пишет, а... там, кажется, не буквы у нее!" В конце концов они, по-моему, вот к чему пришли: "Ну-ка, я сейчас сделаю вид, будто иду в туалет, а сам ненароком гляну, что она пишет". Шагая по проходу, он искоса бросит быстрый взгляд,

подсматривает и по дороге в туалет, и еще раз по дороге назад, а вернувшись скажет: “Сейчас возвращался и заглянул, что у ней там — действительно, это не буквы, а какие-то закорючки, не то рисунки, не то просто каракули. Что бы это было?.. Ну и ну...” Вот так, наверно, они будут это обсуждать, когда он вернется на место. А как он старательно прикидывался, будто совершенно случайно бросил взгляд, когда шел мимо по проходу, — ведь тому, на кого он бросил взгляд, это совсем не кажется случайным! Делал вид, что идет в туалет, а сам старался подглядеть, когда оказался перед моим столом, — уж такая очевидная уловка, такая простая... Наверное, со стороны кажется, что я погружена в свои мысли и ничего вокруг не вижу, поэтому они и решили, что им это сойдет, — так я думаю. Но эти уловки, этот театр — это уж слишком! Я ведь на самом деле все вижу, что вокруг творится, поэтому откровенное любопытство этих двоих за соседним столом... Вернее, откровенно любопытные взгляды, которые они бросают, — могли бы, кажется, и скрыть их как-то... Ведь ощущаешь же, когда на тебя направлен взгляд, в котором откровенное любопытство. Даже больше можно сказать, ведь эти двое тогда и за девушкой-официанткой наблюдали, это же ясно. Наверняка этим двоим, как говорится, не впервой заниматься такими делами, ишь, сразу за свое... Как же это назвать-то... Присматриваются, прицениваются, смакуют — у них что-то вроде банкета на презентации товаров. Вот потому-то они в приподнятом настроении... Так что же, значит — прицениваются? Точно, они из этих. Конечно, на меня-то они смотрят не так, как на ту официантку, про меня они ничего такого не думают...)

14

Женщина. На работу мне ехать на электричке в среднем пятьдесят минут, и я обычно стараюсь приехать на станцию к восьми, ну чуть раньше, поэтому будильник ставлю на шесть. Ну встану, значит, потом час уходит у меня на сборы, чтобы в семь выйти из дома. Выхожу как раз к электричке, которая отправляется в семь часов одиннадцать минут, тогда и получается быть на станции к восьми. А потом, знаете, у станции есть семейный ресторанчик — иду туда. Я себе положила за ежедневное правило: с полчаса надо там провести, потому что это мое драгоценное свободное время. Да, именно, и на самом деле мне бы большего хотелось — может, час? А если уж совсем потакать своим желаниям — полтора часа? Или еще больше? Если бы это было возможно, так бы

хотелось! Но, по правде говоря, если свое собственное время не потратишь, ни к чему стоящему не придешь. Я непонятно выражаюсь, да? Я имела в виду, что не дождешься того момента, чтобы почувствовать: вот оно, твое собственное время, началось! В эти полчаса все время ждешь, и все время такое чувство, что полчаса уже истекают...

Сослуживец. Понятно, все это время вы просто хотели сказать, что надо было встать пораньше, как раз на такой кусок времени, как... Да? Или нет?

Женщина. Нет, ну конечно, вы совершенно правы, только...

Женщина. Только и полчаса вполне достаточно, да, в каком-то смысле... Можно полчаса в дневнике писать, или что-то в этом роде... Записывать в тетрадку, что произошло с тобой накануне, или что ты думаешь по этому поводу... Потратить время на то, чтобы в обычной тетрадке для студентов, в клеточку, писать ручкой или еще чем — иногда бывает, что эти полчаса кажутся вечностью (хм-м-да?), да, иногда даже полчаса, хотя не всегда, конечно. Правда-правда, кажутся вечностью! Я же знаю, что по большей части так и выходит, полчаса приравниваются к вечности, я это сама испытала, я точно знаю. И то, что я это знаю, помогает. В чем именно, вы спрашиваете, — это же дает основания для надежды! Поэтому мне полчаса достаточно, мне больше не нужно, так я думаю. Кажется, меня вполне устраивают мои тридцать минут свободного времени, правда!

Женщина снова продолжает что-то чертить в своей тетрадке. Выйдя из состояния задумчивости, она все пишет и пишет.

На этом свободное время заканчивается, мы заканчиваем на этом свободное время, всем спасибо.